

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904 (477.7) : 903.7

АХИЛЛ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЕГО СВЯЗЬ С КИММЕРИЙЦАМИ, СКИФАМИ И МИРМИДОНЦАМИ. МИФ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Владимир Лазаренко

Ижевский государственный технический университет
Российская Федерация, 426069, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7
e-mail: lazvgr@yandex.ru

«Гомер подействовал на ваших поэтов как глазная болезнь»
Дион Хризостом «Борисфенитская речь,
прочитанная в отечестве» (XXXVI, II, 48)

«Культурная революция», начатая Гомером и продолженная духовными авторитетами классической Греции, возвеличила олимпийский пантеон и низвела старых, доолимпийских богов на уровень, в лучшем случае, второстепенных, а порой – и просто героев. Это относится, в частности, к образу Ахилла. Поэтому античные сведения о нём трактуются, как правило, в свете гомеровских и постгомеровских представлений о выдающемся герое Троянской войны, получившем после смерти удел в загробном мире на острове Левке. При этом не находят глубокого объяснения, с поиском возможной историчности, сохранившиеся древние фрагменты об Ахилле – владыке над мертвыми в стране киммерийцев, о нём как владыке Скифии и вожде мирмидонцев. Основной причиной этого видится не только абсолютное доверие Гомеру и его последователям, но и пренебрежение поздними античными источниками, а также средневековыми данными. Между тем известно, что поздние авторы очень часто излагали весьма архаические сюжеты [37]. Также следует учитывать, что, как подчеркнул В. Буркерт: «В просвещенном сознании греческая религия сохранилась, благодаря трем традициям, одна из которых – полемика отцов Церкви» [10, с. 6]. Кроме того, нельзя игнорировать то, что истоки формирования героического эпоса относятся к временам индоевропейской языковой общности в Северном Причерноморье [31, с. 64-88]. Отсюда следует необходимость рассмотрения данных античного эпоса, поэзии и трагедии о пер-

сонажах, любым образом связанных с данным регионом, в контексте еще доисторических событий, а конкретно – процессов, восходящих к формированию и распаду индоевропейской языковой общности.

Эти процессы происходили в течение IV-III тысячелетий до н.э. на огромной территории – от Балкано-Карпатского региона до причерноморско-прикаспийских степей [20, с. 56; 57, с. 23; 58, с. 18; 107]. О Трансильвании, как месте древнего присутствия индоариев и отправном пункте их дальнейших миграций, ставил вопрос О.Н. Трубочев [87, с. 151]. Хотя масштабных исследований по проблеме ДНК-генеалогии ранних индоевропейцев пока не проводилось, тем не менее, имеющиеся данные показывают, что примерно 4800 лет назад в Северное Причерноморье со стороны Балкан и Дуная проникают племена носителей гаплогруппы R1a1 – главного маркера ранних индоевропейцев, точнее – ариев [38; 105]. До этого в Северное Причерноморье уже в течение более тысячелетия непрерывным потоком двигались с северо-востока племена скотоводов (хвалынская культура Южного Урала и Поволжья), носителей другой гаплогруппы – R1b1, по направлению в Малую Азию, далее – Ближний Восток, Северная Африка, Иберийский полуостров [40, с. 671]. В Северном Причерноморье они представлены культурой Средний Стог II. Но не в результате смешения племен R1a1 и R1b1 в III тыс. до н.э. в Северном Причерноморье начала складываться индоевропейская общность. Как констатирует видный спе-

циалист по ДНК-генеалогии А.А. Клёсов: «Вряд ли род R1b («курганники» по М.Гимбутас) может рассматриваться в качестве «протоиндоевропейского» в отношении языка (индоевропейские языки связываются с носителями гаплогруппы R1b только с I тысячелетия до н.э.). ДНК-генеалогия отдает это место роду R1a1, направления миграций которого после периода 4000 лет тому назад четко совпадают со временем образования очагов индоевропейской культуры» [39], а также «Носителей же гаплогруппы R1b1 на этих территориях в те времена не зафиксировано. Именно на этом основании гаплогруппа R1b1 не может рассматриваться в качестве «праиндоевропейской» в терминах лингвистики. Её носители европейский язык в Индию и Иран не принесли» [40, с. 805].

Таким образом, говорить о ранних индоевропейцах возможно лишь при наличии у рассматриваемого этноса не только одного из индоевропейских языков, но и при наличии у него гаплогруппы R1a1. В любом случае, хронологически первыми в процессе формирования индоевропейской языковой общности оказываются балканские племена [104], а все остальные племена-носители гаплогруппы R1a1 являются их наследниками. Например, зафиксирована практическая автохтонность эвентуально индоевропейской гидронимии на территории исторической Фракии (шире – на юго-востоке Балкан) в совокупности с наблюдаемым археологами культурно-историческим континуитетом, а также четкая привязка фракийского компонента топонимического соответствия к территории Балкан [20, с. 55]. Причисление прагреков к «древнеевропейскому» континууму индоевропейцев опрокидывается лингвистически неоспоримым фактом существования греко-индо-иранской общности, заставляющим помещать прагреков конца IV – начала III тыс. до н.э. вовсе не в Средней Европе, но скорее на западе причерноморских степей [21, с. 29]. После распада индоевропейской общности начинаются большие миграции. Перемещение прагреков и близких к ним генетически и ареально племен открывает путь хеттам (если придерживаться традиционной датировки их прихода в Анатолию), которые по Причерноморским степям и Кавказу, через Дербентский проход Прикаспия продвигаются в центральные районы Анатолии. После этого по всему Северному Причерноморью распространяются, вероятно, уже разделившиеся арии [20, с. 60].

Особенно важно исследование в раннем

индоевропейском контексте образа причерноморского Ахилла, поскольку дискуссия о его происхождении, чисто греческом или синкретическом, сложившемся под влиянием местных «варварских» представлений, ещё не закончена. Здесь ключевым представляется глубокое изучение безусловной связи Ахилла со змеями, обнаруженной на бейкушском святилище в Нижнем Побужье [75] и не имеющей аналогов более нигде не только в Северном Причерноморье, но и вообще в греческом мире [101, с. 82]. Нужно учитывать, что Бейкуш расположен на территории окончательного формирования индоевропейской языковой общности и дальнейшего её распада. В.П. Яйленко очень глубоко в лингвистическом плане проанализировал связь здешнего культа Ахилла со змеями и сделал вывод о том, что у туземного индоарийского населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространён культ змей, связанный с Ахиллом [101, с. 64-101]. Однако, археологических свидетельств этому, кроме граффити Бейкуша, он не привёл. Независимо от работ В.П. Яйленко, мною был предпринят анализ связи Ахилла со змеями в более широком аспекте, дополнительно основываясь на данных археологии Северного Причерноморья в энеолите и бронзовом веке, а также на результатах исследований по индоевропейскому языкознанию. В результате опубликован развернутый обзор этих данных [44; 45]. Здесь приведу лишь основные моменты древней семантики змей. Змея у индоевропейцев выступает, как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания, считаясь даже его первопричиной. В индоевропейских языках змея уравнивалась с Мировым деревом, осуществляя связь между тремя мирами. Индоевропейцы представляли Змея также олицетворением Верховного божества и Первопредка, обитающего в загробном мире [34, с. 305, 308, 362; 61, с. 138; 62, с. 175-178; 63, с. 49, 126-128, 151; 64, с. 213].

Серьезные перспективы также может дать более глубокое рассмотрение античных упоминаний о связях Ахилла с киммерийцами, скифами и мирмидонцами. При этом следует обязательно учитывать заключение М.И. Ростовцева: «Весьма вероятно, что мы имеем дело с исконным постоянным населением юга России, жившим здесь в течение ряда столетий, может быть, начиная уже с третьего тысячелетия до н.э. <...> Греческое предание настойчиво указывает на родство киммерийцев с фракийцами, выводя даже все движение ким-

мерийцев не с востока, как это документально засвидетельствовано памятниками ассирийского исторического и религиозного предания, а с Балканского полуострова. Эти настойчивые указания греческого предания позволяют видеть в них отголоски исторической истины и усматривать в киммерийцах не иранцев, близких родственников скифов, а выходцев с Востока, родственных фракийцам. С этими последними киммерийцы вошли затем в ближайшее соприкосновение как на Балканском полуострове, куда они проникли, двигаясь по степям юга России, так и в Малой Азии, куда в то же и несколько более раннее время перешел с Балканского полуострова ряд фракийских племен. Эти племена, двигаясь на юг, встретились на западном побережье Черного моря с волной киммерийцев, двигавшихся по южному берегу Черного моря из пределов Ванского царства. Несомненным, во всяком случае, представляется, что киммерийцы не только прошли, но и длительно обосновались на северном берегу Черного моря, в степях юга России <...> Киммерийцы, близкие родственники фракийцев. ...подчинение скифам ряда киммерийских племен или племен, покоренных киммерийцами и с ними слившихся, сидевших по обоим берегам Керченского пролива и Азовского моря. Племена эти – позднейшие синды, меоты и савроматы» [74, с. 21, 30, 33]. До самого исчезновения скифов со страниц истории, в Скифии повсюду обитали и другие племена, в частности – говорившие на индоарийских (синдо-меоты), кельтских и иллирийских диалектах (киммерийцы) [92, с. 216]. Ономастика Скифии, Таврики и Боспора содержит мощный пласт языковых реликтов фракийского облика [90, с. 12].

Сначала об Ахилле и киммерийцах, что впервые упомянуто Гомером. Само имя «Гомер» соответствует клинописному Gi-mir-ga-i и киммерийцам (Κίμμεριοί или Κίμμεροι) классических авторов [47, с. 265]. Поэтому не случайным видится указание Гомера на Ахилла как царя над мертвыми в киммерийской области, поскольку непредвзятые исследования показывают, что Одиссей, пересекший Океан (в «Одиссее»: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ (δῆμος) и город (πόλις) людей киммерийских» [47, с. 281-282]), посетил в данном случае Северное Причерноморье [65, с. 320-322]. Максим Тирский утверждал: «Одиссей видел или фракийцев,

или диких кикон¹, или не освещаемых солнцем киммерийцев» [51, с. 278]. Следы представлений о том, что Черное море – это часть Океана, обнаруживают чуть ли не все мифологические циклы, связанные с ним; весь имеющийся материал и сохранившийся в течение всей античности культ Ахилла на Левке являются остатком древнего представления, согласно которому Черное море отождествлялось с Океаном, а данный остров – с островом Блаженных, то есть с загробным миром; культ Ахилла на Левке, по-видимому, возник еще до основания Ольвии и, возможно даже березанского поселения [33, с. 68, 73, 77, 82], то есть, по сути, до греческой колонизации. Кроме того, соотнесенность Аида с киммерийцами основана на том, что их, как и предшественников – скифов, в Северном Причерноморье знают в VII в. до н.э. Аристей из Проконнеса [97, с. 16], а в V в. до н.э. – Геродот [18, с. 190]. Важны следующие глоссы Гесихия: «Киммерийская богиня: мать богов», что говорит о достаточной древности киммерийцев и «Киммерийцы: скифы; и народ у Океана» [53, с. 269].

Исследование античных данных привело А.И. Иванчика к следующим заключениям: предположения о том, что упоминание киммерийцев в гомеровском тексте является поздней интерполяцией, ничем не подтверждается – очевидно, что это упоминание имелось во всех или большинстве рукописей, которыми располагали эллинистические филологи, и ни одного из них не возникло предположения о том, что данный пассаж был интерполирован; киммерийцы у Гомера упоминаются вместе с сочетанием δῆμος τε πόλις τε, которое закреплено за совершенно определенным кругом народов, а киммерийцы включены в этот узкий круг, где нет еще более ни одного народа, кроме греков, троянцев с ликийцами и феаков; можно с большой долей уверенности утверждать, что в песнях X-XI «Одиссеи» Гомером широко использовался почерпнутый из ранних «Аргонавтик» причерноморский материал; реальные исторические киммерийцы стали известны грекам, видимо, позже, в результате их разорительных вторжений сначала во Фригию, а затем Лидию и Ионию; в период же написания «Одиссеи» о них не было никаких сведений, кроме племенного названия [33, с. 56, 59, 62, 66]. Тем не менее, как дважды (!) утверждает Страбон: «Гомер, зная, что киммерийцы поселились в северных и мрачных мес-

¹ Киконы – фракийское племя, среди которых жил певец Орфей.

тностях у Боспора, поместил их возле преисподней» [79, с. 469]. Древние указывали на могущество киммерийцев. У Геродота читаем: «Страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам... И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы» [18, с. 190], а у Страбона: «В прежнее время Киммерик был городом² на полуострове и запирали перешеек рвом и насыпью. Некогда киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора» [79, с. 469].

Эпизоды «Одиссеи», связанные с Киммерией – «там киммериян печальная область» и посещение Одиссеем, по наставлению Кирки, Аида, где он, в частности, встречается с тенью Ахилла, говоря ему: «О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый / ...Ты же / Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем / Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтим; / Здесь же над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни / Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный» [23, с. 164, 178], видимо, до сих пор совершенно недостаточно оценены антиковедами. На мой взгляд, допустимо трактовать их как память о давно прошедших временах, где пра-Ахилл царствовал над киммерийцами или их предками, то есть они могут характеризовать образ Ахилла как Первопредка. Такое предположение обосновывается тем, что представление о загробном крае, как о месте свидания с предками – индоевропейский архетип уникальной устойчивости. Сопоставляя др.-греч. Ἄιδης < индоевр. *sṃ-uidā с контекстом из «Атхарваведы», именующим усопшего riṣbhīḥ – «свидевшимся с отцами» [4, с. 291], П. Тиме показал вероятность существования на индоевропейском уровне стабильного лингвистического клише, передающего это представление [111, S. 46].

Теперь об Ахилле и скифах. Киммерийцы идентифицировались нередко с фракийскими трерами [52, с. 313, примеч. 353], а во Фракии же существовала историко-культурная область Малая Скифия, которую можно считать первой промежуточной прародиной скифов; Великая Скифия в Северном Причерноморье являлась областью позднейшей колонизации, а Боспор Киммерийский – удаленной перифе-

рией; языковые реликты фракийского облика и другие манифестации базовых знаковых систем фракийского происхождения оставлены скифами [89, с. 219], что соответствует известной концепции О.Н. Трубочева, где «малый» этнический коллектив – это исходный, материнский этнический коллектив, а «великий» – соответственно результативный мигрировавший на новое место этнический коллектив. Примечательно, что и Стефан Византийский (Steph. Byz. s. v. Σκύθαι) называет скифов фракийским племенем [52, с. 325], а Страбон высказал мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера, а также указал, что «Малой Скифией называлась значительная часть Фракии, а также территория (видимо, прибрежная – В.Л.) между ней и Крымом включительно, где жило «скифское племя тавров» [79, с. 270-271, 284].

Известный фрагмент Алкея (Fr. 48В Σκόλια): «О Ахиллес, владыка земли скифской» [47, с. 297], восстановленный на эолийском диалекте, также недостаточно глубоко, на мой взгляд, рассмотрен антиковедами. И.И. Толстой видел в нем лишь подтверждение того, что «уже в начале VI в. до н.э. имя Ахилла неразрывно связано с представлением о далекой северной окраине, у берегов сурового моря» [81, с. 10]. Х. Хоммель, объясняя, почему вообще лесбосец Алкей был склонен написать гимн Ахиллу, предположил, что эта песнь предназначалась для праздника на могиле Ахилла, на близлежащем малоазийском мысу – Сигее в Троаде, потому что Алкею и его соотечественникам должно было, согласно тексту данного фрагмента, хорошо известно, что герой Ахилл на Сигее, как в то же время, и на берегах Понта пользовался также божескими почестями. Относительно Сигея, этому есть свидетельство Флавия Филострата в «Героике» (52.3-54.1) [5, с. 118]. В итоге Х. Хоммель заключил, что это единственное в своем роде свидетельство позволяет считать, что почитание Ахилла, властвующего в заморских странах, должно было возникнуть уже в конце VII в. до н.э. Он также полагал ясным, что Алкей, указывая на Скифию, имел в виду не варварские причерноморские земли в глубине материка, то есть, что он обращал свой призыв не к скифскому божеству. Кроме того, эпиклезу Ахилла, приведенную Алкеем, Х. Хоммель однозначно связал с начавшейся несколько поколениями ранее греческой колонизацией прибрежной Σκυθική, «для которой уже тогда культ Ахилла был весьма характерен» [88, с. 55-56]. При этом Х. Хоммель считал, что

² Киммерик был основан на рубеже VI-V вв. до н.э. на склонах горы Опук на труднодоступном и в настоящее время участке черноморского побережья Крымского полуострова, в 50 км к юго-западу от Пантикапея.

культ Ахилла в Северном Причерноморье – чисто греческого происхождения. В.П. Яйленко сначала полагал, что под Скифией Алкея «разумеется скорее побережье с его многочисленными местами культа героя Ахилла, нежели остров Белый» [100, с. 84].

На утверждения Х. Хоммеля и В.П. Яйленко о «побережье», тем более с «многочисленными местами культа Ахилла» следует возразить, что во времена жизни Алкея (конец VII – начало VI в. до н. э.) в Северном Причерноморье, видимо, вообще еще не было многочисленных греческих мест почитания Ахилла, поскольку самые ранние граффити, свидетельствующие о культе Ахилла, найдены только на Березани в слоях конца VII в. до н.э.³ и на Бейкуше – в слоях первой четверти-середины VI в. до н.э. [8, с. 34-35; 9, с. 53-55]. Гораздо позднее В.П. Яйленко уточнил свою позицию, прежде всего напомнив, что в дошедшем до нас оригинале текст Алкея выглядит так: Ἀχιλλεύς ὃς τὰς Σκυθικὰς μεδέεις – «Ахилл, ты, который властвует над скифской землей» [54, с. 195] и только усилиями издателей превратился во всем знакомое Ἀχιλλεύς ὁ τὰς Σκυθικὰς μεδέεις – «Ахилл, владыка Скифии». Далее, базируясь на работах Б. Браво, который заключил, что под Скифией здесь подразумевается Ахиллов Дром и прибрежная полоса Нижнего Побужья – Нижнего Поднепровья с Тендровской и Джарылгачской косами [102, р. 136-137], а также Д.А. Мачинского и В.Т. Мусбаховой [65, с. 342-348], которые на основе сопоставления гомеровского эпизода об Ахилле «в земле киммерийской» с фрагментом Алкея и рассуждений о локализации Аида в Киммерии сделали вывод, что культ Ахилла зародился в Нижнем Побужье не позже, чем на Левке, и он развивался тут даже со второй половины VIII в. до н.э., В.П. Яйленко пришел к мысли, что, поскольку в это время греков еще в данном регионе не было, а культ был, следовательно, он местный [101, с. 71-74].

Примечательно, но даже П.Д. Диатроптов, один из категорически настаивающих на чисто греческом происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье, был вынужден признать: «Напрочь отвергать возможность каких-либо туземных влияний нельзя, исходя просто из известных нам особенностей греческой религии, открытой для любых влияний. В одном случае, по крайней мере, можно пред-

положительно усмотреть связь культа Ахилла с религиозной жизнью местных племён. Речь идёт о легенде, согласно которой Ахилл учредил агонистические празднества на Ахилловом Беге. ...Можно предполагать, что и ольвийские агоны организованы в местности, знаменитой религиозными культурами ещё догреческого населения. Такова, например, была роль близлежащей Гилеи. Но в данном случае Ахилл стал не только героем-учредителем игр, но и тем божеством, в честь которого они проводились, заменив собой чуждое грекам божество, предположительно почитавшееся на Ахилловом Беге» [24, с. 19, 16-17]. Возможно, этим догреческим населением были дандарии («камышовые» арии) поскольку О.Н. Трубачевым показана лингвистическая близость их этнонима и современного названия Ахиллова Дрома – Тендровская коса или Тендра [86, с. 40-41]. Ниже будет показано, какое «чуждое грекам божество» ариев здесь, и не только, заменил греческий герой Ахилл. Очевидно также, что не только в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье Ахилла рассматривали как «Владыку Скифии», а представление об этом было достаточно устойчивым. Об этом может свидетельствовать восстановленное В. Кожокару [78, с. 112], по аналогии с обсуждаемыми здесь строками Алкея, фрагментированное граффито V в. до н.э. из Тиры – [Ἀχιλλεῖ Σκυθικὰς μεδέοντι]. Следует обратить внимание в контексте настоящего исследования, и на то, что археологический материал веско свидетельствует о том, что в это время в Тире вместе с греками проживали скифы и фракийцы [66, с. 21]. Нельзя также обойти вниманием сообщение Евстафия Фессалоникийского, который в комментариях к «Землеописанию» Дионисия указывает, говоря об Ахилловом Дроме, что, в отличие от гомеровского героя, был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время ее преследования, от чего это место и названо Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слова Алкея: "Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей"» [50, с. 247].

Лингвистическая аргументация в работах О.Н. Трубачева, анализировавшего «нескифское в скифском», дала основание в рассматриваемом случае понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идёт о местностях, заселённых «старыми ариями», т.е. ариями (индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной

³ Любезное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной Академии наук Украины в 2004-2017 гг.

массы на юго-восток и восток в III тыс. до н.э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. И, как полагает О.Н. Трубочев, «таким реликтовым анклавом могла быть и Старая Скифия, ἀρχαία Σκυθία в Северо-Западном Причерноморье. Это был как бы остаток части народа, отделившейся и ушедшей на юго-восток. Название ἀρχαία Σκυθία «старая Скифия» у Геродота равнозначно морскому побережью Одесского и Каркинитского заливов» [86, с. 99-102]. Эти племена реликтовых ариев и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам.

Об этом свидетельствуют, в частности, Стефан Византийский: «Меоты – весьма сильное и многочисленное скифское племя» [52, с. 322], Дионисий Периегет: «Тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла»; в схолиях Евстафия Фессалоникийского к Дионисию Периегету находим: «северную часть того Тавра, у подошвы которой живет скифское племя киммерийцы» и «Тавры или росы, живущие около Ахиллова бега»; в других, анонимных схолиях к Дионисию Периегету указано: «Киммерийцы живут под выступом Тавра, который называется Херсонесом Таврическим и прилежит к устью Меотиды с запада; в соседстве с ним живут многие скифские народы», «Тавры – в Скифии, в которой находится Ахиллов бег, скифы – у Белого острова» и «Синды живут по Истру, как говорит Аполлоний» [50, с. 238, 245, 246, 258, 259, 260]. Аполлоний Родосский действительно указывает: «Скифы – они полукровки фракийцам ...синдов народы ...где Истр разветвился» [3, с. 104]. Локализация синдов на Истре (Днестре), а не в обычном для них Приазовье обусловлена тем, что хотя отделение синдо-меотского языка от арийского праязыка-основы произошло в Закавказье в первой четверти-трети II тысячелетия до н.э., племена синдо-меотской общности постепенно заселили весь Западный Кавказ, вышли к берегам Меотиды, а затем привольно расселились по побережью Черного моря; великое переселение народов того времени занесло их далеко на запад [93, с. 49]. Прекрасно заключил об этом О.Н. Трубочев: «Примыкающая местность с изрезанной береговой линией, Кинбурнским полуостровом – геродотовской Гилеей «Лесной страной», далеко вдающейся в море, не

случайно нам напоминает Таманский полуостров и дельту Кубани. Давно замечено, что это классические реликтовые зоны. Примерно в этих двух районах Геродот упоминает и киммерийцев (последнее прибежище и место погребения киммерийских царей он помещает на реке Днестр). Нельзя не обратить внимание на то, что в тех же районах (приазовской Синдике и упомянутых местах Северо-Западного Причерноморья) древние авторы знают синдов. Речь идет не о позднейших литературных переносах вроде синдов на Истре-Дунае, вместо Гипаниса-Кубани, в обработке мифа об аргонавтах Аполлония Родосского, а о реальных фактах истории... Ростовцев, например, со всем вниманием отнесся к сообщению Плиния о Синдской Скифии – *Scythia Sindica* близ Днепра, и он был прав ...Можно думать, что Геродот сохранил нам драгоценное первое письменное свидетельство о древнем разделении индоиранской ветви на иранцев-скифов и индоарийцев, скрывающихся под именем Старой Скифии. Добавим, что Старая Скифия Геродота и Синдская Скифия других авторов (напр. *Scythia Sindica*) территориально совпадают, после чего круг поисков на данной стадии замыкается» [86, с. 106, 108].

Определённое сходство на уровне индоевропейского единства ряда индоевропейских, в частности, скифских, и греческих богов и культурных героев показано рядом учёных [25; 30, с. 29-37; 73, с. 184-186]. Но первым индоевропейский, причём – догреческий характер образа Ахилла отметил В.Н. Топоров [83, с. 25-37]. И если мы говорим о реликтовых индоариях в Северном Причерноморье, то нельзя оставить без внимания безусловное сходство имени Ахилла с древнеинд. áhi – «змея» и ведическим Ahi-Budhniá – «Змея глубин внизу Мирового дерева» [16, с. 489, 526], а также с личными именами других ведических божеств: Áhi Vṛtrá – «Змея дна и водных пучин»; Áhi Śesa – «мировой змея, поддерживающий землю»; Áhi Valá – «змея-похититель плодородия». Ещё Я. Эшер-Бюркли, ссылаясь на В. Маннхардта [108, s. 72], объяснял происхождение имени Ахилла как «сына змеи», имея в виду «главное воплощение Фетиды» [103, s. 223], но Х. Хоммель, утверждает по этому поводу, причем без каких-либо аргументов: «Другие попытки определить исконный домен почитаемого как бог Ахилла устарели, а потому не заслуживают подробного рассмотрения» [88, с. 59].

На Бейкуше варварские элементы отправления культа Ахилла беспорядны, например:

железные ножи, кусочки серы, охры, мела, наконечники стрел, обломки лепной посуды, обработанную челюсть быка со следами охры и процарапанной буквой А и ряда других, но главное – жертвоприношение собак, свойственное вообще «варварским» культам Северного Причерноморья [41; 95, с. 104-108, 167], хотя авторы этих находок А.С. Русяева [77, с. 473] и С.Б. Буйских [8, с. 38, 40] упорно отрицают это, закрывая глаза на очевидное и утверждая, что «в целом вещественный набор бейкушских жертвований Ахиллу находится в полном соответствии с традиционным составом приношений адресатам героических и хтонических культов в архаической Греции». Но в плане понимания генезиса данного культа в Северном Причерноморье – явной связью Ахилла со змеями здесь пренебречь невозможно. Мною показана достаточная распространенность культа змей в Северном Причерноморье, начиная с энеолитического Триполья, и на протяжении всего бронзового века [44; 45]. Если добавить сюда безусловную связь культа Фракийского всадника со змеями [19, с. 33; 82, с. 6-7], то очевидна непрерывность культа змей в Северном Причерноморье с IV по I тысячелетие до н.э., сначала связанного с балкано-трипольским культом Богини-Матери, а затем с культом мужского Верховного божества и Первопредка. Очевидно также, что в древней символике змей отразился процесс формирования в Северном Причерноморье арийского мировоззрения, в основе которого – дуализм всего сущего, состоящего из неких первоэлементов, и трёхчастное строение мира [45]. Так что объяснять связь Ахилла со змеями на граффити Бейкуша лишь особенностями героического культа, как это делает, например, А.С. Русяева: «Присутствие змей на многих вотивах – свидетельство не только его героической и хтонической сущности, но и прямого отношения к лечебной магии, и как следствие, дивинации, нашедшей проявление в святилище Ахилла на о-ве Левке» [76, с. 92], совершенно недостаточно в контексте рассмотренных выше индоевропейских реалий. Тем более, наивно объяснять это особенностями местной фауны, как сказал нам один уважаемый археолог-античник, категорически отрицающий «варварское» влияние на культ Ахилла в Северном Причерноморье. Видимо, следует согласиться с предположением В.П. Яйленко, подчеркнувшего обычность опущения срединного др.-инд. «v» в греческих передачах, о том, что «греки (очевидно, в архаическом Северном Причерноморье. – В.Л.)

подобрали по созвучию имени *Áhi Valá* (тогда имя «Змея-похитителя плодородия» звучало бы «ахиала» – В.Л.) и сходству функций имя своего божества *Ἀχιλλεύς*» [101, с. 83]. В контексте настоящего исследования не может остаться без внимания и предположение В.Н. Топорова о происхождении имени Ахилла от «одного из древних языков Балкан» и связи последнего с индоевропейскими языками [84, с. 80].

Византийский историк X в. Лев Диакон, низводя Ахилла до простого человека, тем не менее, также говорит [55, с. 78-79] о его скифском происхождении: «Ведь Арриан в своем "Перипле" – Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покроей его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза». Последние слова здесь – очень важный момент, поскольку объединяет образы Фракийского всадника и Ахилла в раннем индоевропейском аспекте – светлые волосы явно нетипичны для греков и других балканцев, начиная с античного времени. Но в «Илиаде» неоднократно встречается словосочетание «русый Ахилл», а у Ксенофана Колофонского (570-474 гг. до н.э.) читаем: «Черными пишут богов и курносые все эфиопы, / Голубоокиими их же и русыми пишут фракийцы» [98, с. 276]. Клавдий Гален в своем труде «О составных частях тел» указывает, что «у всего скифского племени волосы умеренно растущие, тонкие, прямые и рыжие» [51, с. 220]. Гиппократ в книге «О воздухе, водах и местностях» задолго до Галена примитивно пытался «объяснить» причину этого, но указал и на общую особенность скифов: «Все скифское племя – рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действуете достаточною силою, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий <...> скифское племя значительно отличается от прочих людей и похоже только само на себя» [48, с. 110-111]. Однако «тривиальная» белокурость издавна приписывалась индоевропейскими нарративными традициями их носителям и каким-то образом связана с общеиндоевропейским этногенезом. Индоевропейские этносы от Греции до Индии с завидным упорством приписывали себе определенный первоначальный (истинный)

антропологический облик – «белокурый, светлый, (иногда) голубоглазый» [56, с. 33-34; 91, с. 256]. Это (конечно, наравне с другими приведенными нами аргументами) делает необходимым анализировать обсуждаемый здесь фрагмент Алкея, одно из самых древних сообщений об Ахилле в Северном Причерноморье, в индоевропейском контексте, поскольку невозможно отрицать присутствие ранних индоевропейцев (ариев) в этом регионе.

Если же рассматривать «скифское» происхождение Ахилла с учётом известного рассказа Геродота о похождениях Геракла в Гилее [18, с. 189], то это ещё более усиливает необходимость более глубокого анализа генезиса культа Ахилла и его связи со змеями. Дело в том, что есть различные толкования легенды о происхождении скифов от сочетания гилейской полудевы-полузмеи с Гераклом (их младший сын Скиф стал родоначальником всех скифских царей), где вместо последнего фигурирует Ахилл.

Например, В.В. Лапин предложил, основываясь на анализе некоторых граффити Бейкуша, свою концепцию: «Судя по остраконам, не Геракл, а именно Ахилл является героем этой легенды (на остраконах представлена сцена преследования змеи Ахиллом). Те же остраконы дают возможность полагать, что Геродот с большими искажениями и с недостаточной полнотой передал в легенде содержание культа Ахилла, присущего архаическим грекам Нижнего Побужья» [46, с. 223]. Это мнение, на наш взгляд, достаточно обосновано, если учитывать, что близ Гилеи немало мест поклонения Ахиллу (в частности, Гилея расположена прямо напротив Ахиллова Дрома), чего совершенно нельзя сказать в плане почитания здесь Геракла. В интерпретации одного бейкушского граффито, где наряду с буквой А изображена голова змеи, а вверху имеется надпись ἄλοος «роща», вероятно, прав В.П. Яйленко, который полагает, что здесь имеется в виду Ахилл, который почитался вместе с Гекатой в её роще, и считает со ссылкой на Страбона [79, с. 281], что эта роща называлась также «Рощей Ахилла», в результате переноса имени героя на рощу с соседнего наименования «Ахиллов Бег»; Гилея же была Рощей Гекаты изначально [101, с. 79, 113]. Гекату же часто связывали со змеями [3, с. 92], представляя её змееволосой и даже змееногой. В связи с этим В.П. Яйленко утверждает: «Как партнёрша Ахилла Геката заменила в представлениях северопричерноморских греков туземную Богиню-Мать, так с Ахиллом-

Гераклом они отождествили и мужское божество туземного мифа. <...> Ехидна версии Геродота та же Мать или её ипостась... В Нижнем Побужье она туземная... Полудева-полузмея Ехидна здесь заменила ипостась первоначального образа Гекаты, женщины-змеи» [101, с. 74, 103]. В этом плане важно, что Роща Гекаты располагалась не очень далеко от Бейкуша и в непосредственной близости от Ахиллова Дрома и Гилеи [32, с. 187-189, 441, рис. 3].

В любом случае в этих легендах Ахилл предстаёт не просто «скифом», а прародителем целого народа «Старой Скифии». Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – Вечный отец [77, с. 447], вполне возможно, подтверждает это. При анализе данного мифа о происхождении скифов следует также учитывать, что Ехидна – древняя доолимпийская богиня [17, с. 200], а также то, что существует еще одна версия этого предания. У Диодора Сицилийского в «Библиотеке» видим: «Сначала скифы были народом малозначительным... Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя – змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скифа, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами» [50, с. 250]. Все эти версии объединяют следующее: происхождение скифов от Верховного божества, которым является Зевс; не меняет, в принципе и замена его на сына – Геракла или внука – Ахилла. Кроме того, учитывая показанную выше связь со змеями Зевса и Ахилла, а также то, что Геракл, как известно, с младенчества связан со змеями, очевидно представление Праотца скифов в виде Змея, одновременно олицетворявшего и Верховное божество, восходящее к ранним индоевропейцам.

Нельзя оставить без внимания и связь других легендарных предков скифов со змеями. Речь идет о Колаксае, младшем сыне Таргитая, по Геродоту – первого жителя Скифии. Колаксай унаследовал царство и от него произошло племя паралатов. Но все племена потомков Таргитая «вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами» [18, с. 188]. Валерий Флакк в «Аргонавтике» повествует о битве в Скифии и Колаксе, предводителе фракийского племени бисалтов [85, с. 226]. При этом Валерий Флакк указывает на происхождение Колаксы от Верховного божества и некоторые другие интерес-

ные, в контексте нашего исследования, детали: «Колак, тоже божественной крови: Юпитер его на скифском побережье произвел вблизи зеленой Мираки и тибисенских устьев, прельщенный (если это достойно веры) *полужверским телом и не уstraшенный двумя змеями нимфы*⁴ ...сам Колак собрал воздушных драконов, отличие матери Оры, и с обеих сторон противопоставленные змеи сближаются языками и наносят раны точеному камню. Третий Авх, пришедший с единодушными тысячами, выставляет на показ киммерийские богатства; у него издавна белые волосы, рожденный знак» [11].

Последняя фраза возвращает нас к светловолосым ранним индоевропейцам и их потомкам - киммерийцам. Орами же (или Горами) назывались три богини порядка в природе, правильно сменяющихся времен года; они, изменяя погоду, способствовали размножению и плодородию растений. У Гомера эти богини погоды находятся в тесной связи с Зевсом; они называются его прислужницами, открывают и закрывают ворота Неба [22, с. 77]. Обращает на себя внимание то, что Бисалт, родоначальник фракийского племени бисалтов – сын Геи, самой древней богини, появившейся вслед за Хаосом и Гелиоса, ее внука, сына титана Гипериона [17, с. 196]. А.К. Шапошников, ученик и последователь О.Н. Трубочева, сделал глубокий лингвистический анализ имени Колаксай: «Этноним Колой, имя собственное Колоксай, племя или социальная группа Сколотов – все это факты не индоиранских языков, они продолжают индоевр. *k^wola, *k^wolos, *k^woles- «колесо, колесница и т.п.». Реликт *kola-ksai-: родоначальник скифов Κολαξαις < индоевр. *k^wola- производн. от *k^wel- «колесо, колесная повозка» (ср. праслав. *kola, *kolo, kol-eso); *ksai- «обитающий»; в целом, Колаксай – «обитающий в повозке»; ср. др.-греч. кальку ἀμαξόβιοι «в повозке живущие»; возможно объяснение и из индоевр. *kwel- «род»; Реликт *kolo- племя на Северном Кавказе Κωλοι, Κωλικοι, Coli, Colicae, regio Colica – индоевр. *k^wel-/ k^wolo- «пастух, охранитель стад»; ср. др.-греч. Βουκολοι «пастухи коров и быков»; возможно и другое объяснение из индоевр. *kwel- «род, этническая единица», ср. инд. kula-; латин. Incola "абориген, местный житель"» [93, с. 41]. Таким образом, мы видим

предание о древнейшем происхождении фракийцев, где снова подчеркнута связь Верховного божества со змеями в образе богини-полужмеи. И налицо еще одна версия происхождения скифов от Верховного божества и Змеи – основы миропорядка, кроме того – образа балкано-дунайской Великой Матери, тесно связанной со змеями, в ипостаси Оры, а также отнесение предков скифов к ранним индоевропейцам. Видимо, совершенно не случайно расположение Страбона и Плинием Старшим «змеино города» – Офиуссы (от οφύς – «змея») в низовьях Тираса (Днестра) [71, с. 171; 79, с. 280]. Стефан Византийский вообще отождествлял Офиуссу с Тирой [52, с. 327]. Все эти данные сегодня ни у кого не вызывают сомнения [32, с. 149-150].

И очевидно, что не колонисты-милетяне «возвысили Ахилла до бога», как полагал ещё У. Виламовиц-Мёллендорф, объясняя фрагмент Алкея об Ахилле: «Он поднялся до бога, если он царит над Скифией. Милетяне сделали его <...> владыкой этой страны <...> возвысили Ахилла до бога» [112, s. 9-10], а милетяне, зная, конечно, лишь гомеровского героя Ахилла, столкнулись в Северном Причерноморье с гораздо более важным и древним местным божеством – Аhi-Змеем, Верховным богом и Первопредком. Нами ранее предложено выделить в развитии культа Ахилла в Северном Причерноморье самый ранний этап: конец VII – начало V вв. до н.э., когда влияние местного населения на отправление этого культа представляется бесспорным, поскольку здесь задолго до колонизации уже существовал культ АХI-Змея; местом отправления этого синкретического культа мной определен возможный культовый комплекс близлежащих друг к другу Березани-Бейкуша-Большой Черноморки II, где в самых ранних слоях найдены граффити с краткими посвящениями Ахиллу – А или АХI, что вполне может соответствовать и АХI-Змею [41; 44; 45]. Существенно, что в это время Березань была полуостровом (выводы ряда учёных об этом обобщены мной ранее [41]. К этому комплексу следует добавить, видимо, и лежащее почти напротив Бейкуша, на другом берегу Березанского лимана поселение Викторовка I, на котором обнаружен зольник позднеархаического времени, похожий на бейкушский, где найдено граффито А. Кроме того, нами также обоснована возможность формирования образа пра-Ахилла, связанного с культом змей, предположительно – легендарного вождя или предка племён R1a1 – ариев, ещё с периода формирования или распада индоев-

⁴ Здесь видна явная аналогия с полудевой-полужмеей Ехидной в предыдущем предании о происхождении скифов. Выделение фрагмента текста курсивом автора.

ропейской общности в Северном Причерноморье; формирования образа пра-Ахилла началось, скорее всего, в катакомбное время и получило свое развитие позднее – в «Старой Скифии» [42; 43]. Поэтому неудивительно, почему, как констатирует Е.А.Акимова: «Культ Ахилла был популярен не только у эллинов, но и среди местного варварского населения. Об этом свидетельствуют памятники торевтики, происходящие из скифских курганов. Это накладки на ножны скифских мечей и гориты. Все эти предметы, выполненные из золота, найдены в скифских царских курганах и датируются 340-320 гг. до н.э. Пластинчатые накладки на ножны мечей со сценами из жизни героя происходят из курганов Чаян, Чертомлык и восьмого Пятибратнего кургана на Елизаветовском городище» [1, с. 616].

И, наконец, о мирмидонцах. Впервые упоминание о них появилось в «Илиаде» [22, с. 33, 225, 278]. Автора давно занимал вопрос, в чем причина их непобедимости и явной отстраненности от остального греческого воинства в троянской войне; это, в свою очередь, привело к мысли о неких воинах-тенях, которых нельзя убить, поскольку они уже давно мертвы. Но детально мы этим вопросом до настоящего времени не занимались. Родом мирмидонцы якобы из Фессалии, как считают практически все исследователи. Однако Н.В.Брагинская, в самом начале своего труда [7] заявившая: «Мы беремся доказать, что мирмидонцы не этнос и что текст эпоса не подает мирмидонцев как этнос... в тексте «Илиады» сохранились следы образа мирмидонцев как мифологических существ», блестяще сделала это. Остановимся, делая необходимые уточнения и дополнения, на основных моментах её работы, построенной на анализе, в том числе лингвистическом, многих античных источников.

Только у Ахилла, кроме мирмидонцев, ещё два племени – ахейцы и эллины; причем многочисленные упоминания ахейцев в «Илиаде» является упоминанием воинов-греков вообще, а не как только жителей северной фессалийской Ахеиды. Эллины же упоминаются только один (!) раз, именно в связи с Ахиллом, их можно, по мнению Н.В.Брагинской, рассматривать как жителей фессалийской «первоначальной» Эллады. Ни у Гомера, ни у других ранних авторов нет страны Мирмидонии, она появляется только у Стефана Византийского в VI в. н.э.! Ахилл и его отец Пелей ни разу не названы мирмидонцами. «Лучшим из мирмидонцев» у Гомера назван Патрокл, а не Ахилл [22, с. 260]. В «Илиаде» нет не только женщин, ста-

риков и детей мирмидонцев, нет и единственного числа – мирмидонец. И за пределами «Илиады», во всей классической традиции мы находим упоминания только множественного числа – мирмидонцы, и никаких мирмидонцев, кроме воинов Ахилла. Мирмидонцы в «Илиаде» – дружинники (ἑταροί) Ахилла, их единство обеспечено связью с вождем, они не одного племени, в отличие, например, беотийцев и ликийцев эпоса, которым соответствовали исторические беотийцы и ликийцы. В дружинах Ахилла и Патрокла (а Пелей упоминается только в его речах, и всякий раз «со своими мирмидонцами») были беглые, преступники и изгнанники, а также жители окрестных мест; это были выходцы из разных районов Греции, местные – эллины (в древнем смысле этого слова) и пришлые – ахейцы (в широком смысле). Примечательно, что все попытки археологов локализовать вокруг реки Сперхий в Фессалии гомеровские города Пелея и Ахилла оказались безуспешными [109].

Отсюда очевидно, что неправ Флавий Филострат, заявивший, что мирмидонцами являются все фессалийцы. Существует несколько античных преданий, связывающих имя «мирмидонцы» с муравьями-мирмеками – у Гесиода, Аполлодора [2, с. 103] и более поздние, где порой начал фигурировать некий Мирмидон, образ которого «достраивали разными способами, но все они одинаковы в своей вторичности: к уже имевшимся в традиции мирмидонцам присочинен их предок». Попытки же возвести имя мирмидонцев непосредственно к муравьям-мирмекам, например, у Страбона и Евстафия, с точки зрения Н.В.Брагинской, «с лингвистической точки зрения не успешны: имя муравьиного народа тогда должно было звучать «мирмеконцы», а не мирмидонцы». Однако у Страбона присутствует очень интересный момент: «Эгинеты названы мирмидонцами не от того, как рассказывает миф, что во время сильной чумы муравьи превратились в людей по молитве Эака⁵, но потому, что они подобно муравьям, копая землю, переносили и разбрасывали почву по скалам, чтобы иметь пахотную землю, и потому, что они жили в ямах, экономя кирпичи» [79, с. 358], напоминающий рассказ Прометей у Эсхила в «Прометее прикованном»: «Теням снов / Подобны были люди, весь свой долгий век / Ни в чем не смысля. Солнечных не строили / Домов из камня, не умели плотничать, / А в подземельях муравьями юркими, / Они без

⁵ Эак – отец Пелея, дед Ахилла.

света жили, в глубине пещер» [99, с. 188]. Зака и Прометей объединяет здесь то, что оба они были для «муравьев» культурными героями, «выведя их в люди из-под земли», привив новые навыки и знания. У Овидия это предание сопровождается словами «Их «мирмидоны» зову, на природу их тем намекая» [67, с. 157].

Н.В. Брагинская далее справедливо отмечает, что, хотя слово «мирмидонцы» не является производным от $\mu\upsilon\rho\mu\eta\zeta$ (муравей), «но не случайно многие мифы о муравьях и муравьином народе «подключены» к истории мирмидонцев и их происхождению; в мифологической перспективе их образы сближаются так же, как сближаются этимологически $\mu\upsilon\rho\mu\eta\kappa\epsilon\varsigma$ и $\mu\upsilon\rho\mu\iota\delta\acute{\omicron}\nu\epsilon\varsigma$ ». Анализ внутренней формы слова $\mu\upsilon\rho\mu\iota\delta\acute{\omicron}\nu\epsilon\varsigma$ намечен еще П. Кречмером, который указал: « $\mu\upsilon\rho\mu\iota\delta\acute{\omicron}\nu$ относится к лат. *formido* (страх, ужас) так же, как $\mu\upsilon\rho\mu\eta\zeta$ к лат. *formica* (муравей)»; с учетом глоссы Гесихия $\mu\upsilon\rho\mu\omicron\varsigma\acute{\omicron}\beta\acute{\omicron}\beta\omicron\varsigma$ мирмидонцы являются «народом ужасных призраков» [106, s. 308].

Действительно, в индоевропейских языках лексемы с преимущественной семантикой страха, как правило, имеют усеченную основу – *тогт-* или *тугт-*, хотя есть и полные формы, например $\mu\omicron\rho\mu\omicron\lambda\acute{\upsilon}\tau\tau\alpha\iota$ (пугать) и $\mu\omicron\rho\mu\omicron\lambda\acute{\upsilon}\kappa\epsilon\iota\omicron\nu$ (страшилище) [13, с. 826]. Античное чудовище, которым, как и Ламией, пугали детей, носило имя Мормо [59, с. 324]. Слова с корнем $\mu\upsilon\rho-$ означают «множество, бесчисленность и т.п.» [13, с. 830-831], что важно, поскольку термины $\mu\upsilon\rho\mu\eta\zeta$ или $\mu\upsilon\rho\mu\omicron\varsigma$ не имеют общепризнанной этимологии, хотя во многих индоевропейских языках, включая русский, это насекомое носит имя, которое может быть возведено к корню *туг-* / *тогт-*. Мирмидонцы тоже многочисленны, «реют в поле» и сравниваются с хищными зверями, имеющими «в сердцах беспредельную дерзость», «обогрвлены кровию пасти» и «неукротимое сердце», а также со «свирепыми осами» [22, с. 227-229, 323]. По мнению Н.В. Брагинской, муравьи в обсуждаемом здесь контексте «функционально выполняют роль подземных, хтонических существ – «душ» до их вселения в людей», хотя она и признает, что существует «комплекс мифов о мирмидонцах, хтонических перволюдях и муравьином племени», причем муравьи предстают в них «воинственными, то есть внушающими страх», а «хтонические перволюди подобны муравьям или мертвецам». На наш же взгляд, «муравьи» в приведенных отрывках символизируют людей глубокой древности. Однако, ни П. Кречмер, ни Н.В. Брагин-

ская при всех их достижениях в толковании образа мирмидонцев, даже не ставили вопрос, где могла зародиться древняя уже для Гомера легенда о мирмидонцах и их предводителе Ахилле. П. Кречмер традиционно связывал их с Фтией – синонимом «загробного мира» [106, s. 308], а Н.В. Брагинская, лишь подчеркивает: «Мучения исторической географии с локализацией Фтии тем понятнее, что мифологическая страна смерти, царство Ахилла, так же наложилась на реальную Фессалию, как загробные *manes*⁶ мирмидоняне стали гарнизоном «пассионариев», набранным среди эллинов и ахейцев». Между тем, ответ на вопрос о регионе зарождения легенды об Ахилле и мирмидонцах можно найти в трудах церковных писателей, начиная с раннего средневековья.

Евсевий Кесарийский (около 260-339 гг.), которого называют «отцом церковной истории», поскольку его труд «Церковная история» – самое раннее из дошедших до нас сочинений, описывающих историю христианской Церкви в хронологическом порядке, сообщает в этой книге, что апостолу Андрею выпало по жребию проповедовать в Скифии [27]. Сопоставляя это свидетельство с сообщением, приписываемым Ипполиту Римскому, митрополит Макарий (1879-1882 гг.) сделал вывод, что здесь имеется в виду так называемая Малая Скифия, то есть та Скифия, «которая, начинаясь от гор Балканских, шла к устьям Дуная и простиралась за Дунаем в пределах нашего отечества». Исходя из этого, митрополит Макарий считает вполне вероятным путешествие святого Андрея не только по побережью Черного моря, но и «во внутренних областях нашего отечества» [60, с. 92, 97].

В.Г. Васильевский, вместе со свидетельством Евсевия, рассматривал сообщение Евхерия Лионского (V в.): «Андрей смягчил проповедью Скифов», отрывок из «Каталогов» Ипполита Римского (IV в.), где сказано: «Андрей после проповеди Скифам, Фракийцам, был распят на масличном дереве вверх главою в Патрах Ахейских» и Епифания Кипрского (VIII в.): «Андрей... прошел всё побережье Вифании и Понта, Фракии и Скифов», указание в месяцелове византийского императора Василия (X в.): «Андрей проповедовал по всему побережью Вифинии и Понта, Фракии и Скифов», делает вывод, что сообщение Евсевия – «первое несомненное свидетельство о существовании предания, по которому Скифия являлась апостольским уделом Андрея Первозванного» [12, с. 42-43, 46, 51-52].

⁶ Лат. *manes* – души, тени усопших.

В.Г. Васильевский также полагал, что «лучшим и древнейшим образцом такого рода опытов считается апостольская история, приписываемая Авдию, Вавилонскому епископу и относимая к VI веку», но подчеркивал, что «апокрифические сказания об апостоле Андрее также древни или даже ещё древнее, чем те краткие сведения, которые находятся у церковных писателей и в списках апостолов». Среди апокрифов выделяются «Деяния Андрея и Матфея в стране антропофагов (Хождение в страну антропофагов или мирмидонян)». Это сказание передается в «Апостольских историях» псевдо-Авдия, где упоминается город Мирмидон, где проповедовал апостол Матфей, которому, не желая внимать проповеди, жители этого города выкололи глаза и заключили, закованного в цепи, в темницу, и где он затем был освобожден апостолом Андреем. После того, как Матфей «удалился из города», Андрей остался в Мирмидоне и проповедовал, но жители не хотели слушать его и подвергли мучениям [12, с. 53, 58-59, 66].

В западных источниках картина следующая: в житии Андрея, отысканном в Волфенбюттельских сборниках, равно, как и в «Золотой легенде» Якова de Voragine» буквально повторяется та же легенда с упоминанием Мирмидона; это же указание имеется у Ордерика Виталия (XII в.); в одном кратком описании святых мест, приложенном к «Бордосскому дорожнику» (приблизительно VI в.) упоминается город Мирмидон, где апостол Андрей освободил Матфея, в «все его обитатели имели обыкновение есть себе подобных, и что ради этого они сидели на улицах, поджидая жертву». Кроме того, В.Г. Васильевский указывает, что наиболее полную версию «хождения апостола Андрея к антропофагам» содержит англосаксонская поэма об Андрее (VIII – начало IX в.), где упоминается «народ мирмидонян» – «Volk der Mermedonier», а антропофаги иначе именуются, причем постоянно, мирмидонянами [12, с. 67-68, 70].

С.В. Петровский менее подробно рассматривает все источники, но указывает главное для нас: в перечне географических пунктов проповеди апостола Андрея, согласно апокрифам, входят, в частности: страна антропофагов, которая ассоциируется с Таврией и достиг которую апостол морем, а также «Мирмидон», где он освобождает апостола Матфея из темницы; в поздней латинской и англосаксонской редакции – это «Мирмидония», «страна» Мирмидонян, «Мармедоняне» и конечный пункт проповеди апостолов Андрея и Матфея – «го-

род Мармедонян (Мирмидон, Мармедон, Мермедон», который ассимилируется с Херсонесом Таврическим. Затем С.В. Петровский показывает, с привлечением ряда античных авторов, в том числе – Геродота и Страбона, что локализация «страны антропофагов (скифов и тавров)» и Мирмидона в Таврии вполне обоснована; более того, привлекая античные источники об Ахилле в Северном Причерноморье, он полагает рассматриваемые сведения церковных писателей вполне достоверными [70, с. 3, 9-26].

Этому же вопросу посвящены исследования целого ряда западных ученых XIX-XX вв. Проанализировав их работы и труды средневековых авторов, А.Ю. Виноградов, практически не касаясь Мирмидона и мирмидонцев, пришел к обтекаемому выводу: «В свидетельствах о проповеди Андрея фигурируют так или иначе все четыре берега Понта Эвксинского... Во вторых, апостол движется только вдоль побережья» [14, с. 348-367]. К сожалению, и в своей кандидатской диссертации [15] этот ученый, детально обобщив все имеющиеся источники, не затронул поднятых выше вопросов, специально указав: «Целью нашей работы было, прежде всего, возможно более полное критическое издание текстов греческих житий апостола Андрея Первозванного». Тем не менее, его вывод о том, что в удел проповеди Андрея входило Северное побережье Черного моря, в том числе территории Скифия и Фракии, ценен для нас. Что касается Таврии, как «страны антропофагов» – людоедов, то это вполне коррелирует с античными известиями о человеческих жертвоприношениях у скифов и особенно у тавров (например, также у Геродота, хотя он различает тавров и андрофагов [18, с. 202-203, 213]). Плутарх в книге «Об александрийских пословицах» пишет: «Тавроскифы совершают человеческие жертвоприношения» [50, с. 289]. У Евсевия в «Евангельском приуготовлении» говорится даже больше: «У фракийцев и скифов доказано существование в древние времена вдохновенного демонами⁷ человекоубийства» [52, с. 218].

Человеческие жертвоприношения фигурируют также в широко известной мифе об Ифигении, приуроченном Северному Причерноморью. Первоначально она – богиня с функциями плодородия и смерти, и именно в таком качестве она отождествляется с Артемидой и Гекатой. Это отождествление лежит в основе

⁷ «Вдохновенного демонами» – то есть ритуального убийства.

легенды об Ифигении Таврической, которая основала святилище Артемиды и «приносила в жертву плавающих там чужеземцев» (у Павсания: «...от приносившихся ей в Таврике [человеческих] жертвоприношений оставалось свойство наслаждаться человеческой кровью» [51, с. 229]). О культе Артемиды Таврополы в Северном Причерноморье и о легендарном обычае убийства в жертву ей иностранцев (эллинов) упоминается, например, у Еврипида [26, с. 476]. Связь Ифигении с мифологией смерти могла повлиять на возникновение версии о том, что Ифигения стала женой Ахилла на Левке. Однако, эта версия известна лишь из поздних источников, а, несомненно, важную роль играла легенда (еще неизвестная Гомеру) о том, что Ифигения была невестой Ахилла [33, с. 85-86]. И.Ю. Шауб, справедливо указывая, что в своих истоках Ифигения – ипостась Великой Богини (что подчеркивает глубокую древность ее образа – *В.Л.*), связанной со смертью и обнаруженной греками в Таврии, где она была местным божеством, останавливается также на некоторых «людоедских» аспектах Ахилла, цитируя Филострата Старшего [95, с. 72-74, 191-192]. У последнего находим упоминания о девушке, «которую Ахилл терзал и разрывал на части», о людоедах-скифах, конях-людоедах Ахилла на Левке [51, с. 303-304]. С.В. Петровский, рассмотрев соответствующие фрагменты «Илиады» и Еврипида, пришел к выводу, что «Ахилл оказывается фигурой, наиболее тесно связанной с воспоминаниями о древнейших человеческих жертвоприношениях и людоедстве» [70, с. 23].

Всё это объясняет античные и средневековые представления о Таврии как «стране людоедов», где жили мирмидонцы и даже располагался город Мирмедон. Объяснение же существования на Боспоре Таврическом города (или поселения) Мирмекий преданиями, подобными, например, одной схолии к Дионисию Периегету: «Другие же говорят, что мирмидоны, заблудившиеся при возвращении изпод Трои с Ахиллом, поселились там», как и изложенное самим Дионисием [50, с. 251, 260] то же предание, но где вместо мирмидонцев – ахейцы, представляются неуклюжими попытками оправдать «фессалийское» происхождение Ахилла, ахейцев и мирмидонцев, что фактически опровергнуто, в том числе – вышеперечисленными авторами. Примечательно, что, например, Дионисий Галикарнасский в «Римских древностях» указывает: «Племя ахейцев, живущих вокруг Понта, само греческого происхождения, теперь самое жестокое из всех вар-

варов» [50, с. 267]. Об ахейцах как варварах писали также Диодор Сицилийский в «Библиотеке» [50, с. 226]. Аристотель в «Политике» причислял припонтийских ахейцев к варварским народам, «склонным к убийству и людоедству» [48, с. 144]. Между тем, как считает В.П. Яйленко [101, с. 99-100, 129-130], название Ахейской гавани к западу от Ольвии по Плинию Старшему [71, с. 171] – это сообщение, кстати, не имеет аналогов) связано не с гомеровскими ахейцами, а появилось в результате адаптации местного «змеинового» топонима на *áhi-*, как и боспорская Ахейская гавань в сообщениях Птолемея и Псевдо-Арриана. Все эти сведения говорят об одном – местном, северо-причерноморском происхождении легенд об Ахилле, мирмидонцах и ахейцах, тем более, что невозможно не заметить сходство имени Ахилла с этнонимом «ахейцы».

На наш взгляд, предание о муравьях как о предках людей, изложенное у Эсхила и Страбона, вполне могло иметь древнее уже для греков балканское происхождение, о чем свидетельствует, в частности, образ Великой Майки (Великой Матери) в неолитической культуре Винча. Её скульптурные изображения имеет характерные «муравьеподобные» глаза, причем чрезмерно большие, что подчеркивает их значение [80, с. 6, 26-27, 32; 110, с. 52-55]. Хранитель Музея культуры Винча в Сербии Драган Янкович объясняет смысл этих глаз лишь так: «Велика Майка должна всё видеть», но этот образ неизбежно возвращает к гораздо большему – балканскому происхождению пра-ариев. Они, как показано выше, около 4800 лет тому проникли в Северное Причерноморье, заложили там основание индоевропейской общности, а тавры принадлежали к реликтовым ариям, оставшимся в данном регионе после ухода основной массы ариев на рубеже III-II тысячелетий до н.э. далеко на восток и юго-восток. Характерно, что муравьи, как и другие насекомые, не играли почти никакой роли в официальном греческом религиозном ритуале, но они представлялись в народной религии «одной из самых частых обителей душ усопших» [35, с. 303-304]. Климент Александрийский сообщает, что фессалийцы в древности поклонялись муравьям, так как верили, что Зевс, обернувшись муравьем, сочетался браком с Эвримедузой и произвел на свет Мирмидона, первопредка мирмидонцев. Но это очень позднее предание, а поклонение муравьям представляется ни чем иным, как поклонением далеким предкам – «перволюдям».

Нигде, кроме восточной части Крымского п-ва, не было населенных пунктов с названием Мирмекий – по крайней мере, у Павсания в «Описании Эллады» данных о таких городах или поселках нет. Напротив, Страбон [79, с. 284, 469], Помпоний Мела и Плиний Старший [71, с. 51, 173] безапелляционно говорят о городе или городке Мирмекий, локализуя его в одном и том же месте – в районе современной Керчи⁸. О населенном пункте Мирмекий в Крыму сообщают также Псевдо-Скилак, Элий Геродиан, Псевдо-Арриан, Стефан Византийский [49, с. 155; 51, с. 263; 53, с. 234; 52, с. 322], а о мысе Мирмекий – Птолемей [51, с. 241]. Кроме того, Страбон в упоминает также о лежащем на противоположном берегу пролива (Боспора Киммерийского) селении Ахиллея, где находится святилище Ахилла. Об Ахилловом селении, расположенном там же, говорит и Псевдо-Арриан в «Перипле» [53, с. 233]. Плиний Старший пишет о городе Киммерии, также на противоположном берегу пролива, а Помпоний Мела говорит о «киммерийском городе Мурмекион» [71, с. 51, 173].

Почитание Ахилла в Мирмекии подтверждается находками посвященных ему граффити, состоящих, как правило, из одной буквы Α⁹. При раскопках расположенной сравнительно недалеко Феодосии, также «киммерийского города», как указывает Помпоний Мела [71, с. 51, 109], также найдены граффити Α, ΑΧ и ΑΧΙ, датированные V-IV вв. до н.э. [29]. Все эти находки аналогичны большинству посвященных Ахиллу на Бейкуше, Березани и Большой Черноморке 2 (см. выше) и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу-герою, а ΑΧΙ-Змею реликтовых ариев Таврии. Очень важно, что в индоевропейстике зафиксирован семантический переход понятий «змея (червь) – муравей» [16, с. 527]. Существенно также индоевропейское понятие *d^h(e)ǵ^hom-, означающее одновременно «земля» и «человек» (этимологически «земной») [16, с. 821]. Всё это даёт веское основание считать едиными основы представлений древних об Ахилле-Змее и Ахилле-предводителе мирмидонян – «муравьиных людей». Вышеизложенное не только еще раз объединяет образы Ахилла, мирмидонцев и киммерийцев, причем в раннем индое-

вропейском аспекте, но завершает, на наш взгляд, обоснование происхождения предания о мирмидонцах и их вожде Ахилле в глубокой, догреческой древности как о предках местного населения Северного Причерноморья. И, видимо, не прав И.А. Емец, делая заключение, что не существует бесспорных доказательств связи культа Ахилла с культом близких по функциям фракийского, скифского или какого-либо другого варварского божества [28, с. 64-69]. Уважаемый автор имел в виду, скорее всего, лишь современных грекам-колонистам «варварских» богов.

Но, безусловно, правы И.Ю. Шауб, говоря об удивительном своеобразии причерноморской мифологии и культа Ахилла: «Оно явно было обусловлено не только воскрешением архаических пластов образа этого бога, но и несомненным влиянием на этот образ местной варварской среды» [94], а также В.П. Яйленко: «В мифе о северо-причерноморском Ахилле соединились две традиции: греческая, привнесенная колонистами, и туземная» [101, с. 74]. Это влияние, видимо, было обусловлено не только тем, что греки-колонисты оказались в мощной идеологической среде, сформировавшейся ещё в ямно-катакомбный период, но и сходством их языка с языком реликтовых ариев Северного Причерноморья – именно здесь лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков, имеющих значительное сходство грамматического строя и обширную общую лексику, к началу II тысячелетия до н.э. [72, с. 234, 238; 96, с. 189]. Это время катакомбной культуры, то есть период после распада индоевропейской общности и начала миграций протогреков на юго-запад, а ариев – на восток и юго-восток. Видимо, не просто так Квинт Смирнский подчеркивает то, что Посейдон говорит Фетиде об Ахилле: «Жребий ужасный во мраке его пребывать не заставит / в царстве Аида. Войдет он в пресветлую Зевса обитель. / Дам ему остров тогда я священный на море Эвксинском. / Богом будет твой сын. И людей поколения многих, / что из различных народов, живущих окрест, происходят¹⁰, / жертвами впредь по достоинству чтить его станут, словно меня самого» [36, с. 93]. С.Б. Охотников и А.С. Островерхов – авторы основных исследований на Левке, даже не анализируя широко индоевропейские параллели и приводя только некоторые скифские аналогии, считают:

⁸ Мирмекийское городище на северной оконечности Керченской бухты, так наз. Карантинном мысу, длительное время исследуется археологами.

⁹ Любезное сообщение А.М. Бутягина, начальника (с 2000 года и по настоящее время) экспедиции Государственного Эрмитажа на Мирмекийском городище.

¹⁰ Это может означать, что почитание Ахилла в Северном Причерноморье осуществлялось не только греками. Курсив наш. – В.Л.

«Культ Ахилла-бога и Ахилла-героя имел на острове Левке сложный синкретический характер. Это было божество, впитавшее в себя черты догреческого бога смерти «пра-Ахилла» и гомеровского героя Ахилла. На образ и культ Ахилла значительное влияние оказали местные верования и обряды. Это было божество, соответствующее трём природным стихиям и трём уровням мироздания» [69, с. 70-102].

Но только знаковые открытия на Бейкуше позволили значительно расширить представления о характере и размерах местного влияния на архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье. Нами представлено развернутое обоснование синкретичности раннего этапа (конец VII – начало V вв. до н.э.) культа Ахилла в Северном Причерноморье, учитывая оригинальность святилища на Бейкуше в плане безусловного и весомого наличия здесь «варварских» элементов культа, в том числе – уникальной для Греции его связи со змеями, а также с аргументированной критикой сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в данном регионе, с привлечением античных источников, данных археологии и лингвистики [41]. И только непреходящими, древнейшими местными представлениями об АХІ-Змее, Верховном божестве и Первопредке можно объяснить, на наш взгляд, устойчивость в течение тысячелетия культа Ахилла в Северном Причерноморье и якобы внезапное появление в Ольвии при римском владычестве культа уже не героя, но бога Ахилла-Понтарха – Владыки Черного моря, так удивившее в свое время западных специалистов.

Выводы:

– фрагменты Гомера, Алкея и других античных авторов, где Ахилл связан с киммерийцами, скифами и мирмидонцами представляют собой отголоски знаний древних греков о народах, населявших Северное Причерноморье до колонизации и в её раннем периоде;

– учитывая это, и, кроме того, археологические и лингвистические данные, а также сведения ДНК-генеалогии, невозможно отрицать влияние местного населения на формирование культа причерноморского Ахилла;

– у «варваров» Северного Причерноморья издавна, вероятно, ещё со времен катакомбной общности, существовал культ АХІ-Змея – Верховного божества и Первопредка;

– местом отправления этого культа, возможно, служил комплекс святилищ на близко соседствующих Березани, Бейкуше, Черноморке II и Викторовке I;

– именно этот культ стал синкретической основой для раннего культа Ахилла в Северном Причерноморье в конце VII – начале V вв. до н.э., когда основное святилище, расположенное на Бейкуше, прекратило своё существование.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимова Е.А. Ахилл в греко-варварской тореитике Северного Причерноморья // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы Международ. науч. конф. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 606-613.
2. Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер. с др.-гр. В.Г. Боруховича. Москва: АСТ; Астрель, 2004.
3. Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Пер. с др.-гр. Н.А. Чистяковой. Москва: Ладомир; Наука, 2001.
4. Атхарваведа (Шаунака). В 3 тт. Т. I. Книги I-VII / Пер., вступ. ст., коммент. и прилож. Т.Я. Елизаренковой. Москва: «Восточная литература» РАН, 2005.
5. Белоусов А.В. Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: «Жизнь Аполлона Тианского» и «Героика». Москва: Изд-во ПСТГУ, 2012.
6. Бондаренко Д.В., Васильчук А.В. Предварительные итоги исследования зольника позднеархаического времени на поселении Викторовка I // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XI. Одеса: ОНУ, 2016. С. 36-46.
7. Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. Москва: Российский университет, 1993. С. 231-256.
8. Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // Херсонесский сборник. Вип. XI. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2001. С. 34-43.
9. Буйских С.Б. Ольвия та Березань в контексті застосування іонійського колоніального поліса в Нижньому Побужжі // Музейний вісник: науково-теоретичний щорічник. Вип. 12. Запоріжжя: Запорізький обласний краєзнавчий музей, 2012. С. 53-63.
10. Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. Санкт-Петербург: Алтейя, 2004.
11. Валерий Флакк. Argonauticon (отрывки) VI, 48-68 // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 340-351.
12. Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки: Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Журнал Министерства народного просвещения. Вип. 189. Часть 2. Санкт-Петербург, 1877. С. 41-82.
13. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. пятое. Санкт-Петербург, 1899.
14. Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. Москва: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 348-367.
15. Виноградов А.Ю. Греческие жития апостола Андрея; проблемы источниковедения и критическое издание текстов. Дис... канд. ист. наук. Москва, 2001.
16. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 тт. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.
17. Гесиод. Теогония // О происхождении богов. Москва: Советская Россия, 1990. С. 191-218.
18. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Ленинград: Наука, 1972.
19. Гиндин Л.А. Население гомеровской Трои: Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. Москва: Наука, 1993.
20. Гиндин Л.А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прапродин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54-64.
21. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 19-39.

22. Гомер. Илиада / Пер. с др.-гр. Н.И. Гнедича. Санкт-Петербург: Наука, 2008.
23. Гомер. Одиссея / Пер. с др.-гр. В.А. Жуковского. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010.
24. Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. Москва: Индрик, 2001.
25. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. Москва: Наука, 1986.
26. Еврипид. Ифигения в Тавриде / Пер. с др.-гр. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. В 2 тт. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1969.
27. Евсевий Памфил. Церковная история. Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
28. Емец И.А. Греко-варварские религиозные взаимодействия на Боспоре Киммерийском. Москва: Спутник+, 2002.
29. Емец И.А., Петерс Б.Г. Граффити и дипинити Античной Феоодосии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1993. Вып. 207. С. 77-83.
30. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953.
31. Зайцев А.И. Формирование греческого гекзаметра. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994.
32. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. Москва: Языки славянской культуры, 2005.
33. Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Москва; Берлин: Paleograph Press, 2005.
34. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (б-к). Изд. 3-е. Москва: Либроком. 2009.
35. Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. Москва: Либроком, 2012.
36. Квинт Смирнский. После Гомера / Пер. с др.-гр. А.П. Большакова. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
37. Кинжалов Р.В. Проблема реализации вариантов мифа в повествовательном фольклоре и изобразительном искусстве // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. II. Санкт-Петербург: Объединенные музеи Свято-Алексиевской пустыни, 2008. С. 89-99.
38. Клёсов А.А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 1 // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2016. Т. 9. № 1. Москва; Бостон; Цукуба. С. 2-29.
39. Клёсов А.А. Основные положения ДНК-генеалогии // Вестник Академии ДНК-генеалогии. Т. 1. № 2), Москва; Бостон; Цукуба. 2008. С. 252-348.
40. Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). Москва: Белые альвы, 2010.
41. Лазаренко В.Г. К дискуссии о происхождении архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Емінак. Науковий щоквартальник. 2016. № 1 (13). Т. 2. С. 7-20.
42. Лазаренко В.Г. Культ Ахилла как отражение процессов формирования индоевропейской общности в Северном Причерноморье // Матеріали III Міжнарод. наук.-практ. конф. «Аркасівські читання» 26-27 квітня 2013 р. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2013. С. 61-64.
43. Лазаренко В.Г. Культ Ахилла, «Старая Скифия» Геродота и Боспор // Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир. Актуальные проблемы хронологии. Керчь: Крымское отделение Института востоковедения, Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2014. С. 252-257.
44. Лазаренко В.Г. Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII. Санкт-Петербург: Объединенные музеи Свято-Алексиевской пустыни, 2014. С. 30-54.
45. Лазаренко В.Г. Семантика изображений змей и следов человеческих стоп в Северном Причерноморье эпохи бронзы // Матеріали Міжнарод. наук. конф. «Проблеми ви-
вчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи)». Національний історико-археологічний заповідник «Кам'яна могила». Запоріжжя: Дике Поле, 2015. С. 59-70.
46. Лапин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // Архив ИА НАНУ. Ф. 24. 1978.
47. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 255-316.
48. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 249-332.
49. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 235-315.
50. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 223-315.
51. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 215-314.
52. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 217-330.
53. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 225-298.
54. Латышев В.В. Scythica et Caucasia e veteribus scriptoribus graecis et latinis collegit eet cum versione rossica edidit Basilius Latyschev. Vol. I. Scriptores graeci. Fasc. I. // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1893.
55. Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. Москва: Наука, 1988.
56. Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 31-37.
57. Леман В.П. Индоевропеистика сегодня // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 17-33.
58. Леман В.П. Новое в индоевропеистических исследованиях. I-II / В.П. Леман // Вопросы языкознания. 1991. № 4. С. 5-30.
59. Лукиан из Самосаты. Избранное / Пер. с др.-гр. Москва: Художественная литература, 1962.
60. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 1: История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как Введение в Историю Русской Церкви. Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
61. Маковский М.М. Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков. Москва: Либроком, 2012.
62. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. Москва: Владос, 1996.
63. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. Москва: Либроком, 2012.
64. Маковский М.М. Язык как феномен. Москва: Ленанд, 2014.
65. Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. Материалы Международ. науч. конф. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. С. 319-355.
66. Никулиц И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. Кишинев: Штиинца, 1987.
67. Овидий. Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского // Овидий. Собрание сочинений. В 2 т. Т. II. Санкт-Петербург: Студия Биографика, 1994. С. 5-344.
68. Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев: Вища школа, 1977. С. 40-44.

69. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеин). Киев: Наукова думка, 1993.
70. Петровский С.В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по черноморскому побережью // Записки Одесского общества истории и древностей. 1898. Вып. 21. С. 1-184.
71. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Индрик. 2012.
72. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. Москва: Едиториал, 2003.
73. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Москва: Наука, 1985.
74. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Москва: Книжная находка, 2002.
75. Русяева А.С. Культурные предметы из поселения Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археология. 1971. № 2. С. 22-29.
76. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992.
77. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: Стилюс, 2005.
78. Самойлова Т., Кожокару В. Новые данные о культах и культовых античных постройках в Тире // Северное Причерноморье в античное время. Киев: ИА НАНУ, 2002. С. 109-113.
79. Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского. Москва: Ладомир, 1994.
80. Тасић Н. Винча: Населье првих земљрадника. Београд: Креативни центар, 2008.
81. Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград: Типография Галерная, 1, 1918.
82. Топоров В.Н. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения I. Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1992. С. 3-32.
83. Топоров В.Н. К реконструкции «прото-Ахилла» // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. Москва: Наука, 1986. С. 25-37.
84. Топоров В.Н. Об архаическом слое в образе Ахилла // Образ-смысл в античной культуре. Москва: ГМИИ, 1990. С. 64-95.
85. Торшилов Д.О. Комментарии // Гигин. Мифы / Пер. Д.О. Торшилова. Санкт-Петербург: Алетей, 2000.
86. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Москва: Наука, 1999.
87. Трубачев О.Н. Indoarica в Скифии и Дакии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Москва: Наука, 1984. С. 148-152.
88. Хоммель Х. Ахилл-бог // Вестник древней истории. 1981. № 1. С. 53-76.
89. Чередниченко А.Г. Заметки о древнейших названиях Фракии // Древности 2012. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 11. Харьков: ХНУ; ХИАО, 2012. С. 8-13.
90. Чередниченко А.Г. К проблеме полиэтничного состава населения Древней Фракии // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12. Харьков: ХНУ; ХИАО, 2013. С. 8-18.
91. Шапошников А.К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований. Сборник трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова. Москва: МГОУ, 2010. С. 251-262.
92. Шапошников А.К. Этимология языковых реликтов фракийского вида в Северном Причерноморье // Материалы Международной конференции «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры». Алушка, 25-30 сентября 2008 г. Киев; Москва, 2008. С. 213-218.
93. Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30-67.
94. Шауб И.Ю. Ахилл – бог Северного Причерноморья // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 2002. № 13-14. Санкт-Петербург. С. 356-367.
95. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.
96. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. Москва: Едиториал, 2003.
97. Щеглов Д.А. Аристей из Проконнеса // Аристей: Классическая филология и античная история. Вып. 1. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 9-34.
98. Эллинские поэты VIII-III вв. до н.э. / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. Москва: Ладомир, 1999.
99. Эсхил. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии. / Пер. с др.-гр. С. Апта. Москва: Художественная литература, 1971. С. 169-211.
100. Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // Вестник древней истории. 1980. № 2. С. 72-99.
101. Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII-III вв. до н.э. Москва: Onebook.ru, 2013.
102. Bravo B. Un letter sur plomb lt Berezan' // Dialoges d'histoire ancienne. V.I. Paris: l'Institut des Sciences Techniques de l'Antiquité de l'Université de Franche-Comté, 1974. P. 111-187.
103. Escher-Bürkli J. Achilleus 1 // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (RE). Bd. I, 1. Stuttgart, 1893.
104. Klyosov A.A., Rozhanskii I.L. Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants // Anthropology. 2012. V. 2. № 1. P. 1-13.
105. Klyosov A.A., Tomezzoli G. DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe // Anthropology. 2013. V. 3. № 2. P. 101-111.
106. Kretschmer P. Mytische Namen. I. Achill // Glotta: Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Bd. 4. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1913. S. 305-309.
107. Mallory J.P. In search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth. London: Thames and Hudson, 1989.
108. Mannhardt W. Antike Wald- und Feldkulte. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1875.
109. Simpson R.H. The Kingdom of Peleus and Achilles // Antiquity. 1959. V. 33. P. 102-105.
110. Tasić N. Neolithic metropolis on the river Danube: Vinča. Belgrade: Belgrad City Museum, 2014.
111. Thieme P. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse. Berlin: Akademie Verlag, 1952.
112. Wilamowitz-Moellendorf U. Glaube der Hellenen. Bd. II. Berlin: Weidmann, 1932.

Лазаренко Владимир Ахилл в Северном Причерноморье и его связь с киммерийцами, скифами и мирмидонцами. Миф или историческая реальность?

Фрагменты Гомера, Алкея и других античных авторов, где Ахилл связан с киммерийцами, скифами и мирмидонцами представляют собой отголоски знаний древних греков о народах, населявших Северное Причерноморье до колонизации и в её раннем периоде. Учитывая это, и, кроме того, археологические и лингвистические данные, а также сведения ДНК-генеалогии, невозможно отрицать влияние местного населения на формирование культа причерноморского Ахилла. У «варваров» Северного Причерноморья издавна, вероятно, ещё со времен катакомбной общности, существовал культ АХИ-Змея – Верховного божества и Первопредка; именно этот культ стал синкретической основой для раннего культа Ахилла в Северном Причерноморье в конце VII – начале V вв. до н.э. Местом отправления этого культа, возможно, служил комплекс святилищ в Нижнем Побужье (Березань, Бейкуш, Черноморка II и Викторовка I).

Ключевые слова: Ахилл, киммерийцы, скифы, мирмидонцы, Северное Причерноморье, культ, змеи, индоевропейская общность

Лазаренко Володимир Ахілл у Північному Причорномор'ї та його зв'язок з кіммерійцями, скіфами та мирмидонцями. Міф чи історична реальність?

Фрагменти Гомера, Алкея й інших античних авторів, де Ахілл пов'язаний з кіммерійцями, скіфами та мирмидонцями являють собою відгомін знань стародавніх греків про народи, що населяли Північне Причорномор'я до колонізації та в її ранньому періоді. Враховуючи це, й, окрім того, археологічні та лінгвістичні дані, а також дані ДНК-генеалогії, неможливо заперечувати вплив місцевого населення на формування культу причорноморського Ахілла. У «варварів» Північного Причорномор'я здавна, ймовірно, ще з часів катакомбної спільності, існував культ АХІ-Змія – Верховного божества та Першопредка; саме цей культ став синкретичної основою для раннього культу Ахілла у Північному Причорномор'ї у кінці VII – початку V ст. до н.е. Місцем відправлення цього культу, можливо, служив комплекс святилищ у Нижньому Побужжі (Березань, Бейкуш, Чорноморка II і Вікторівка I).

Ключові слова: Ахілл, кіммерійці, скіфи, мірмидонці, Північне Причорномор'я, культ, змії, індоєвропейська спільнота

Lazarenko Vladimir Achilles in the North Pontic region and his connection with Cimmerians, Scythians and Myrmidons. Is it the myth or historic reality?

Fragments from Homer, Alcaeus and other antique authors, where Achilles is connected with the Cimmerians, Scythians and Myrmidons represent the echo of knowledge of Ancient Greeks about people lived in the North Pontic region before and during the early colonization. Considering this and, besides, archeological and linguistic data as well as information about DNA-genealogy, it is impossible to deny the locals' impact on the cult formation of Black Sea Achilles. «Barbarians» of the North Pontic region historically, probably, even since a catacomb community, had a cult of an AXI-Snake – Supreme deity and Progenitor; this cult became a syncretic basis for an early cult of Achilles in the North Pontic region at the end of VII – the beginning of the V centuries BC. The place of departure of this cult, perhaps, was the complex of sanctuaries served in lower lands of South Buh river (Berezan, Beykush, Chernomorka II and Viktorovka I).

Keywords: Achilles, Cimmerians, Scythians, Myrmidons, North Pontic region, cult, snakes, Indo-European community

Рецензенти:

Гаврилюк Н.О., д.і.н., ст. наук. співр.

Смирнов О.І., к.і.н., доцент

Надійшла до редакції 25.07.2017 р.